

Ольга
Бруснигина

Книга 2.

Любовь под грифом
«СЕКРЕТНО»

010110

Тайный код Карины

Ольга Бруснигина

**Любовь под грифом «Секретно».
Тайный код Карины. Книга 2**

«Автор»

2026

Бруснигина О.

Любовь под грифом «Секретно». Тайный код Карины. Книга 2 /
О. Бруснигина — «Автор», 2026

Карина выросла в детдоме. Ей было предначертано тихое будущее после училища, но вместо этого она оказывается в переделке. Она — одна из никому не нужных сирот, которых тайная организация превратила в идеальное оружие. Их цель — Кирилл, гениальный программист, создавший непробиваемую систему защиты для крупнейших банков. Чтобы завладеть его кодом, Карина должна стать той девушкой, которой он сможет довериться. План безупречен: влюбить в себя, украсть флешку и исчезнуть. Но когда расчет сталкивается с настоящим чувством, правила игры меняются. Карина стоит перед выбором: предать человека, который стал дорог, или подписать себе смертный приговор, отказавшись от миссии. У Карины нет прошлого и нет будущего. Есть только отчаянное желание дожить до рассвета, чтобы подарить этот мир своему будущему сыну. Любое сходство с реальными людьми, а также совпадения географических названий являются случайными. Все персонажи и места действия, организации и сюжетные линии — плод авторского воображения.

© Бруснигина О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Бруснигина

Любовь под грифом «Секретно».

Тайный код Карины. Книга 2

Глава 1

Ослеплённый любовью, Кирилл превратился в идеального слушателя. Он с упоением верил в сказки, которые плела Карина, искусно маскируя правду за ширмой выдуманной студенческой жизни. Он пропускал мимо ушей нестыковки и детали из плохо сочинённой истории о судьбе провинциальной отличницы. Ему было достаточно одного — просыпаться рядом с ней. Видеть её сонное лицо, разметавшиеся по подушке смоляные волосы и чувствовать тепло её тела. Для него этого было более чем достаточно, чтобы закрыть глаза на любые странности.

Приблизительно через неделю их головокружительных встреч, когда эйфория от обладания друг другом достигла своего пика, он решился на серьёзный шаг. Это произошло солнечным утром, когда лучи пробивались сквозь неплотно задёрнутые шторы, и они только-только проснулись и лежали в постели.

— Перевози ко мне свои вещи, — заявил он тоном, не терпящим возражений.

Карина внутренне возликовала, но часы тренировок не позволили эмоциям отразиться на её лице. Она лишь слегка приподняла бровь, сохраняя маску спокойствия.

— Зачем спешить? Ты хорошо подумал?

— Теперь ты — моё слабое место! — отрезал он.

— Что это значит? — она положила голову на его плечо, ловя каждое его слово.

— Поверь, так будет лучше. Я не хочу расставаться с тобой ни на минуту, — он провёл кончиками пальцев по её щеке. — Я должен знать, что ты в безопасности.

Карина по выражению его лица поняла: он не желает выдавать истинную причину такой спешки. Но, исходя из условий своего задания, она догадывалась. Кирилла явно что-то тревожило, и это «что-то» напрямую касалось её. Было отчего волноваться: операция шла полным ходом. Будучи лишь звеном в сложной цепи, она, к сожалению, не была посвящена в подробности общего плана. Сейчас её любимый Кирилл, скорее всего, находился под жёстким прессингом со стороны своих покровителей или конкурентов, а она пока не выполнила самую важную часть миссии — полностью переманить его на свою сторону. К вечеру того же дня она вернулась в его просторную квартиру с небольшой дорожной сумкой и внушительной стопкой книг.

— Столько книг! — искренне удивился Кирилл, принимая у неё вещи. Он ожидал увидеть ворох платьев и косметики, но никак не библиотеку.

— Люблю читать, — просто ответила она.

— Теперь ясно, почему ты не сидишь в интернете и не смотришь сутками телевизор, — он улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой. Про себя же подумал: «Всё же она — уникальная девушка».

В их первый общий выходной, когда тишина квартиры начала действовать Карине на нервы от долгого сидения взаперти, Кирилл предложил прогуляться.

— Я почти готова, — откликнулась она из спальни. — Сейчас надену джинсы и футболку.

— Мы идём в гости, — остановил он её.

— Нужно произвести впечатление... — догадалась Карина. На минуту её сковал страх от мысли, что придётся знакомиться с его родителями или влиятельными друзьями семьи. Это было бы слишком рано и слишком опасно для её легенды.

— Сегодня у меня встреча со старинным другом, одноклассником. Давно его не видел, — успокоил её Кирилл.

— Уф... — выдохнула она с явным облегчением, — Ты хочешь похвастаться, что у тебя появилась девушка?

— Так точно. И мне есть чем гордиться.

Карина выбрала скромное приталенное платье цвета спелой вишни и убрала волосы в строгую, но элегантную причёску.

— Как я выгляжу? — спросила она, поворачиваясь к нему.

— Само совершенство! — признался он без тени сомнения, целуя её в макушку.

Водитель фирмы на чёрном служебном автомобиле провёз их через весь сияющий центр города и свернул на окраину. Карина смотрела в окно с нарастающей тревогой. В старом городе, где ей «посчастливилось» побывать во время своего провального первого задания с Котом, каждый покосившийся дом напоминал о том неприятном происшествии. Здесь воздух был другим — тяжёлым и пропитанным опасностью.

— Не нравится мне здесь... — вздрагивая от неприятного предчувствия, призналась она.

— У меня, наоборот, об этом месте самые приятные воспоминания, — сознался Кирилл с ностальгической улыбкой. — Здесь прошло моё детство. Вот за тем забором мы собирали металлолом, чтобы сдать его, в этом дворе играли в войнушку до первой крови, а в следующем доме на чердаке учились закуривать первую сигарету...

— Никогда бы не подумала! — удивилась Карина, бросая тревожные взгляды через тонированное стекло автомобиля. Образ успешного бизнесмена Кирилла никак не увязывался с таким хулиганским прошлым.

— Колоритное место! — согласился он, глядя на знакомые пейзажи с теплотой. — Со своими неписаными законами, запахами жареной картошки из открытых окон, мусорными завалами и стаями бродячих собак.

— Я боюсь собак! — тихо призналась она.

— Куда опаснее люди, чем голодные псы. Здесь есть свои иерархии: маленькие банды контролируют дворики, свободные гопники отжимают телефоны у зазевавшихся прохожих. Старые подъезды хранят множество тайн: наркоманы в тёмных углах, сводники у подъездов... Я — часть этих улиц. Могу безошибочно определить и показать пальцем — вот этот картонный шулер, а та женщина в окне — «ночная бабочка». Меня здесь знают по имени и уважают.

«Какой жуткий дом», — подумала Карина, наблюдая за покосившимся двухэтажным строением с заколоченными наглухо окнами. Кажется, именно в таком она с кляпом во рту была привязана к стулу и чуть не погибла от побоев маньяка. Внезапно её пробил озноб. Поскорее бы убраться отсюда подальше.

— Иваныч, останови! Приехали! — обратился Кирилл к водителю.

Тот послушно притормозил возле деревянного дома современной постройки, спрятанного за глухим железным забором. Это место выглядело островком спокойствия посреди хаоса.

— Идём, Карин. Сейчас я познакомлю тебя с замечательным парнем. Он тебе понравится.

— Почему ты так уверен?

— Он красавчик. Обычно на таких девушки пачками вешаются. Ты будешь исключением из правил? — подмигнул он ей.

По всей видимости, Кирилл здесь был частым гостем. Он достал из кармана ключ от замка и легко открыл тяжёлую кованую калитку.

— Кажется, здесь никого нет... — робко предположила Карина. Участок выглядел заброшенным: трава местами пожухла.

— Вижу... — озадаченно протянул Кирилл. Его взгляд стал внимательным.

Он пнул пустую консервную банку, валяющуюся среди прочего мусора у крыльца.

— Обычно он следит за порядком. На него это совсем не похоже. Неужели переехал? Но почему не предупредил?

Дверь в дом оказалась приоткрытой. Карина скользнула рукой по дверному проёму и пожалала плечами:

— Как будто сбежал... — зачем-то сказала она вслух то, что читалось в воздухе.

— Похоже на то. Оставайся здесь! Пойду, проверю! — приказал он.

Кирилл вошёл в дом один. Его не было долго для простой проверки пустого помещения. Когда он вернулся обратно во двор, его лицо было мрачнее тучи.

— Кот пропал... — сообщил он глухим голосом после долгой паузы.

Карина напряглась:

— Кот? А какого цвета? — поинтересовалась она как бы, между прочим. — Минуту назад я видела рыжего пушистого красавца сидящим на заборе соседнего дома.

Кирилл не ответил. Он пребывал в шоковом состоянии и молча обошёл дом по периметру, осматривая каждый куст и окно так внимательно, словно искал улики преступления.

— Ничего не понимаю... Придётся заглянуть ещё в одно место... — сообщил он после мучительных раздумий.

Они вернулись в машину:

— Иваныч! Там на углу возле колонки стоит хибара с разрисованным забором из граффити. Останови там!

Водитель кивнул:

— Знаю это место... — откликнулся он буднично, словно был коренным жителем этой улицы всю жизнь.

— Там раньше библиотека была... — напомнил ему Кирилл с грустной усмешкой.

— Пушкин стоял на третьей полке слева от окна... — добавил Иваныч с ностальгией в голосе.

— А библиотекаряша Тамара Петровна? В очках и всегда в прозрачной блузочке была неотразима. Мы специально туда ходили, чтобы полюбоваться на неё.

— Огонь женщина была! — подмигнул Иваныч в зеркало заднего вида, оглядываясь на Карину с хитрым прищуром.

Кирилл лишь усмехнулся воспоминаниям:

— Ей сейчас уже лет шестьдесят, наверное?

— Или все семьдесят! Но фигура всё ещё ничего! — подмигнул Иваныч снова.

Кирилл лишь на минуту отлучился до ещё одного заброшенного дома на пустыре за библиотекой. Когда он вернулся к машине и сел рядом с ней на заднее сиденье, Карина заметила в его руке маленький резиновый мячик размером с кулак ребёнка.

— Зачем тебе мячик? — спросила она удивлённо.

Кирилл осторожно спрятал находку во внутренний карман пиджака так бережно и аккуратно, словно тот был сделан из тончайшего хрусталя или содержал внутри взрывчатку.

— В нём ответ на мой вопрос... — загадочно ответил он и отвернулся к окну, — Иваныч, вези нас домой!

Стоило входной двери захлопнуться за их спинами, как Карина, не давая ему даже снять пиджак, пристала с расспросами.

— У тебя проблемы, Кирилл?

Он замер на полпути к гардеробной, плечи его напряглись. Он медленно повернулся к ней, и в его взгляде она увидела усталость, смешанную с тревогой.

— И не маленькие, — начал он, но тут же запнулся, словно прикусил язык.

Карину такой уклончивый ответ категорически не устроил. У неё на этот счёт имелись чёткие, отточенные до автоматизма рекомендации, полученные от Алевтины. Теория построения диалога в контексте вербовки гласила: больше внимания к мелочам. Ведь даже самая

незначительная деталь может стать ключом к установлению более глубокого контакта. Дальше алгоритм был прост: фиксируй сведения, фильтруй, анализируй — и в конечном итоге получишь желаемую информацию. Но сейчас, глядя на любимого мужчину, Карина чувствовала, что её профессиональная выучка даёт сбой.

В постели у них всё было идеально. Там они говорили на языке прикосновений, вздохов и стонов. Но вот с откровениями, с разговорами по душам, пока не складывалось. То ли случая не представлялось в череде бесконечных встреч и расставаний, то ли, измучившись от страсти, они оба нуждались лишь в тишине и отдыхе. Их общение часто начиналось с поцелуя и им же заканчивалось, оставляя за кадром то, что творилось у них в душах.

Наблюдая за спящим Кириллом, когда его лицо расслаблялось во сне, теряя привычную загруженность, Карина всё чаще ловила себя на мысли, что ненавидит факт, что их знакомство — это спланированная акция. У них нет будущего. Да и настоящего, честно говоря, тоже нет — оно построено на лжи.

Карина влюбилась по-настоящему. И её чувства оказались взаимны. Именно от этого было ещё более обманывать любимого человека. Это было подло. Рассказать ему об истинной причине своего появления было страшно. Вдруг он не поймёт? Вдруг прогонит? При этом возникала угроза куда страшнее — её могли заменить на другого агента, тогда с Кириллом могла произойти беда. А он будто специально подливал масла в огонь своими признаниями:

— Я слишком люблю тебя!

— Это как? Слишком? Я не понимаю, к чему ты клонишь?

— До самой смерти!

— Смерти? — пугалась она таких слов.

Карина не хотела «до смерти». Она хотела жить долго и счастливо. И только с ним. В своих самых сокровенных мечтах она уже видела эту картину: как Кирилл ведёт её под руку к алтарю. На ней ослепительное свадебное платье из тончайшего шёлка, венок из белых розочек на голове и воздушная фата, струящаяся до самого пола. Кругом букеты алых роз, благоухающие нежным ароматом.

— Согласен ли ты, Кирилл Юрьевич Серебренников, взять в жены Ульянову Карину Сергеевну? — спрашивала регистраторша ЗАГСА.

Жених, сияющий от счастья, уверенно говорил:

— Согласен!

А после целовал невесту на глазах у всех — страстно и властно. Только так и не иначе! Вот такой у неё был план на будущее! Плевать она хотела на Алевтину, на проклятую операцию и на остальных членов шестой группы. Даже о подруге Тинке за всё это время она вспомнила всего пару раз.

— Ты обиделась? — внезапно спросил Кирилл, вырывая её из плена грёз. Он чутко улавливал её плохое настроение.

— Не понимаю, почему ты стал таким скрытным. Неужели я не заслуживаю твоего доверия? — её голос прозвучал тихо, но настойчиво.

— Я так боюсь тебя потерять! — он шагнул к ней и взял её лицо в свои ладони. — У меня куча проблем на работе. Будто кто-то сглазил: всё выходит из-под контроля.

Карина ответила нежным поцелуем. Она интуитивно включила «правильный режим» — режим заботливой женщины. Кирилл тут же почувствовал себя виноватым.

— Если бы я могла снять часть твоих забот... — прошептала она.

— Ты и так балуешь меня!

— Видимо недостаточно, — ответила она, многозначительно намекая на прошедшую ночь, когда он уснул в гостиной на диване, сославшись на усталость.

— Извини. Вчера был тяжёлый день! Никак не вычислю, откуда ветер дует: или крот в компании завёлся, или конкуренты включились в борьбу, атакуют по всем фронтам.

— Это опасно?

— В какой-то степени — да. Давно хотел тебе рассказать. Ты ведь в курсе, чем я занимаюсь? Ты была в офисе и поняла общую схему того, как команда «Серебра» зарабатывает деньги.

— Сложная тема: финансовый рынок, банки, транзакции, система безопасности... — выдала Карина заученные термины своей легенды.

— Умница, схватываешь на лету. Так вот... Я создал нечто уникальное. Нечто такое, что стоит огромных денег. Только это изобретение приносит мне одни проблемы.

— Разве так бывает? Что-то настолько ценное может быть опасным?

— Ещё как бывает! Я перешёл дорогу очень серьёзным людям, имеющим огромную власть и связи. Внедрение моей программы ставит их на бабки. Там суммы даже не с шестью нулями.

Кирилл тяжело выдохнул и отошёл к окну.

— Если бы я вышел на рынок со своей разработкой... Банковская система только выиграла бы. Не нужно было бы постоянно обновлять коды безопасности, переустанавливать защиту старого образца, на которую уходят баснословные суммы из бюджета банков. Моя система позволила бы сделать скачок в развитии всей отрасли. Это пошло бы на пользу простым людям, которые платят проценты за услуги банков.

Карина понятиливо кивнула головой:

— Ясно... Место занято стариками у руля, а ты молодой, дерзкий, — прёшь против танка с рогаткой.

Кирилл усмехнулся:

— Какое точное определение. Ты у меня сообразительная!

— Значит... оставь эту затею и живи спокойно? Ради нас? Неужели у твоей компании не найдется другого проекта?

Он покачал головой:

— Проектов тьма. Но всё не то. А у меня характер дурной! Привык всё доводить до конца: есть цель — есть путь, по которому нужно идти до победы. Прежде я и не с такими препятствиями справлялся.

— Даже если это смертельная опасность, и ты можешь погибнуть? Вдруг эти самые люди, одержимые зарабатыванием денег, захотят убрать тебя вовсе? Нет человека, нет и проблемы. Прошу, остановись и подумай!

Кирилл посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. В этот момент он казался ей не просто мужчиной, а скалой, о которую разбиваются волны.

— Не могу, Карин. Не проси меня об этом. Ты уже знаешь часть моего прошлого. Того, что скрыто в старых трущобах за городом. Там я родился и рос. Там, где каждый день был борьбой за выживание, за своё место под солнцем. Я научился быть сильным, когда слабость означала смерть. И я выжил не для того, чтобы сейчас, добившись всего, отступить перед кучкой зажавшихся банкиров, которые боятся потерять свои миллионы.

— Не стану... — сдалась Карина, чувствуя, как сердце сжимается от страха потерять его доверие. Она подошла ближе и коснулась его руки. — Но и ты меня пойми, я же волнуюсь. Я не могу просто смотреть, как ты рискуешь собой.

— И это вполне оправданно, — он накрыл её ладонь своей, — Я клянусь тебе, что не стану больше ничего от тебя скрывать.

— Когда мы были у дома твоего друга... — она замялась, подбирая слова, — ты искал кота. Мы бы могли его взять себе.

Кирилл неожиданно рассмеялся — громко и раскатисто.

— Ты решила, что это настоящий кот? С лапками и хвостиком? Рыженький, пушистый? — он вытер выступившие от смеха слёзы.

Карина кивнула.

— Ну да. Что здесь смешного?

— Кот — это Митька Котов. Братан по сопливому детству. Мы с ним были как два сапога пара. Я, как и он, воспитывались без особых привилегий. Родители у него крепко «закладывали за воротник», а я и вовсе жил со старой глухой бабкой. Предки у меня работали на железной дороге и зачастую мотались по стране, поэтому я был предоставлен сам себе. Бабка не успевала следить, здоровье шалило. А Кот... Кот был верным другом, который всегда был рядом. Знала бы ты, как скоро он подрывался на любые замуты, инициатором которых был я.

Карину бросило в жар от этих слов. Ещё одна встреча с Котом не входила в её планы. Хорошо, что его не оказалось дома. Можно сказать, повезло.

— Ну и кличка у твоего друга! Он что: белый и пушистый и такой же милый?

— Ему в самый раз. Никакой он не милый и вряд ли позволил гладить себя против шерсти. Он хитрый, хищный, а главное — умеющий хранить тайны лучше любого сейфа. Вещичку одну я ему на хранение оставил.

— Зачем? — разволновалась Карина, чувствуя, что начинает раскручиваться какая-то тайна.

— Чтобы сберечь. Только видишь, как получилось: дома его нет, у друзей тоже. Я сообщения общим знакомым написал, никто не в курсе. Никого не предупредил, телефон отключил. Вероятно, прячется.

— Прячется? Но от кого?

— Сейчас как раз узнаем, — Кирилл указал на маленький резиновый мячик, который он забрал из заброшенной библиотеки.

Внутри мячика оказался искусно спрятанный тайник. Кирилл осторожно вытряхнул на ладонь обрывок тетрадного листа в клетку. Он развернул бумажку и принялся внимательно изучать символы — странные палочки и кружочки, напоминавшие танцующих человечков.

— Шифр... — догадалась Карина, заглядывая ему через плечо, — странный. Никогда такого не видела.

Лицо Кирилла помрачнело.

— Плохи дела... Раз он о детской шалости вспомнил. Мы так переписывались, когда собирались обтрясти соседскую яблоню или разобрать мопед в гараже у очередного пенсионера.

— Что там написано? — нетерпеливо спросила она.

Кирилл нахмурился ещё сильнее.

— Он уничтожил флешку с программой. А сам уехал в другой город. Адреса не оставил. У нас договорённость такая есть, если смотался, контактов и хвостов не оставлять.

— Странное поведение. Ты же доверял ему как самому себе. Почему же он не выполнил своё обещание? По сути, он предал тебя.

— Не предал. Любой, но не он. Как я понял из записки, его нашли: изловили, избili до полусмерти затем перевернули весь его дом и расколотили всё, до чего смогли дотянуться. Но результата это не принесло.

— Не нашли, значит, — сделала вывод Карина.

— Не нашли. Но минус один экземпляр, если ему удалось уничтожить флешку. Кот, молодец! Он сумел сохранить тайну, пусть и таким способом.

Кирилл резко схватился за голову, словно пытаясь унять внезапную боль.

— Прости, дружище! Не думал, что так получится. Мне так жаль, — прошептал он.

— Он же знал, что рискует? Правда? — тихо спросила Карина.

— Знал. Я предупредил. Но предположить не мог, во что выльется моя просьба. Ему сломали нос, ребра, отбили все внутренности. Покалечили по моей вине! — он ударил кулаком по стене рядом с собой.

— Не кори себя, ты же не мог наперёд знать. Он же добровольно согласился помочь.

— Он не мог отказать, только и всего, потому что настоящий друг. А вот я...

— Что ты?

— Плохой из меня товарищ, раз я подставил его под такое испытание. Должен был догадываться, к чему ведёт моё упрямство! Ведь до этого я получал угрозы. Пока что анонимные предупреждения. Поэтому никак не мог вычислить, кто охотится за мной.

— Бросай всё! Пока они до тебя не добрались! Жизнь дороже любых денег, ты ведь понимаешь?

Кирилл устало покачал головой.

— Теперь уже не могу. Пока эта программа у меня на руках, я в относительной безопасности. Для них это не просто угроза, способная разрушить их империю. В умелых руках этот код — ключ к несметным богатствам.

— У тебя ведь остались копии?

Он кивнул.

— Да. И они в очень надёжных руках.

— Может, стоит пойти в полицию? — робко предложила Карина, хотя сама не верила в успех этой идеи.

Кирилл горько рассмеялся.

— Карин, я пытался. Дважды. Но это квест на выносливость, состоящий из бумаг, бесконечных заявлений и унижительных допросов. Пришёл к выводу, что это пустая трата времени и нервов. Ты же знаешь, как работает эта система. Пока ты собираешь доказательства, от тебя уже ничего не остаётся.

Карина чувствовала: он что-то скрывает. За его словами пряталась ещё одна, более страшная тайна.

— Это ведь ещё не всё? Так ведь? — её интуиция редко подводила.

Кирилл тяжело опустился на диван, устало потирая переносицу, словно пытаясь стереть невидимую боль.

— «Серебро» — акционерное общество. Представь, мой компаньон сбежал. Он был моей опорой, скалой. Надёжен, как швейцарский банк. И вдруг он продаёт свою долю за бесценок какой-то мутной конторе, выводит все активы и исчезает. Боюсь даже думать о том, что с ним могли сделать что-то похожее.

— Думаешь, его вынудили?

— Он меня кинул! Почти без объяснений. Так взрослые люди не поступают!

— Но человек не меняется за один день, — мягко возразила Карина. — Должна же быть причина.

— Причина? — хмыкнул Кирилл. — Он сказал, что влюбился и уехал за границу. Красивая сказка для прессы и для меня. Я звонил ему после того ультиматума с продажей доли, требовал объяснений по-мужски. Но он мастерски уходит от разговора: то он на совещании в Сингапуре, то у него сел телефон. Вечно «вне зоны доступа».

Карина задумчиво произнесла:

— А если он действительно полюбил? По-настоящему? Разве ты не допускаешь такой вариант?

Кирилл посмотрел на неё как на сумасшедшую.

— Это фантастика. Его романы — это катастрофы вселенского масштаба. Затяжные депрессии, алкогольные запои. Женщины опустошали его сердце и кошелёк, оставляя после себя одни разочарования. Он давно зарёкся от серьёзных отношений. Никогда не был женат, детей нет.

— Сейчас многие так живут, — пожала плечами Карина. — Но вдруг ему попала та самая? Ради которой захотелось бросить всё к чертям?

Кирилл скептически поджал губы.

— Его пассии — это ходячий цирк. Он клеил красоток в стрип-клубах, тащил их домой, а потом терял голову. За пять лет нашего знакомства у него было около десятка таких романов.

— По два в год, — зачем-то подсчитала Карина.

— Последний роман отправил его в нокаут на полгода, — продолжил Кирилл, глядя в пустоту. — За это время он осушил цистерну коньяка и пытался свести счёты с жизнью. Только пришёл в себя. И вдруг опять!

— Значит на него похоже, что он мог вляпаться в ситуацию с новым бурным романом. Бросить всё и забить на дела. А ты, словно, осуждаешь его?

Он вздохнул и отвернулся к окну.

— Осуждать — не в моих правилах. Все имеют право на личную жизнь. Я же знал его как гениального финансиста и хорошего друга. Потому безоговорочно доверял и не ожидал такой подлянки. Это удар в спину, понимаешь?

Он сделал паузу, и последняя фраза повисла в воздухе.

— Видимо, у него на дружбу другой взгляд. Странно всё это. Ладно бы он просто уехал на острова отдыхать. Но он сорвался с места так, будто за ним гонится сам дьявол. Он же оборвал все концы и не представляю, как будет оправдываться, когда вернётся обратно.

Карина молчала, но её воображение уже рисовало картину.

— Может он и не вернётся, если ему там хорошо, — прошептала она.

Она представила себе эту сцену как кадр из красивого кино: тёплое море лениво лижет дикий пляж, окружённый пальмами-великанами. Под ослепительным солнцем загорают двое счастливых людей. Влажный солёный ветер ласкает их бронзовую кожу. Кудрявые барашки морской пены носятся по поверхности, выбрасывая к их ногам причудливые раковины.

«Но кто же эта девушка?» — мысль обожгла её сознание. Карина уже не сомневалась: это часть плана её тайной организации. И тут её осенило. Это могла быть только Виктория, так стремительно и загадочно покинувшая базу накануне всех этих событий.

Глава 2

Михаил был расчетливым стратегом. В его голове давно созрел план — их шанс с Тиной вырваться на свободу. Пусковым механизмом этой адской операции должен был стать Ром. Выбор был вполне очевидным. Этот боец их команды был подобен бочке с порохом: слишком горячий, непредсказуемый. Любое неосторожное слово могло вывести его из себя, заставляя кулаки сжиматься. Достаточно было малой искры, чтобы он сорвался с катушек. Была у него и своя, личная ахиллесова пята — Светка. При одном лишь упоминании её имени у Рома до сих пор каменели желваки, а мышцы напрягались так, будто он готовился к удару. Он не мог её забыть, как ни старался, и эта глухая тоска делала его ещё опаснее. На это Михаил и решил сделать ставку.

— Тин, нужна помощь, — загадочно пробормотал Михаил, склоняясь к самому её уху.

Она инстинктивно подалась ближе, понимая, что разговор секретный. С тех пор как Карина уехала на задание, их тайные свидания в их комнате стали почти ежедневными. И сейчас, они встретились там же, но не для того, чтобы влюбляться.

— Миша, что стряслось? — Ты впервые просишь меня о помощи.

— Сначала посмотри, — он протянул ей помятый листок, вырванный из местной газеты.

Тина пробежала глазами по заголовку: «На берегу обнаружен труп молодой женщины» и громко ойкнула.

— Что это, Миш?

— Ты всё читай!

Статья гласила: «Как сообщает пресс-секретарь, вчера — третьего августа — под мостом через реку возле улицы Северной обнаружен труп неустановленной женщины. Приметы: на вид двадцать пять лет, худощавого телосложения, рост сто шестьдесят сантиметров, длинные светлые волосы, на запястье правой руки имеется небольшой шрам. Была одета в длинное платье красного цвета. Украшений и иных личных вещей не обнаружено. Региональная полиция устанавливает личность погибшей и просит граждан, располагающих какой-либо информацией, сообщить по телефонам дежурной части».

Тина раскрыла рот от ужаса, не в силах отвести взгляд от нечёткой, отвратительной фотографии под статьёй.

— Это же Светка! — воскликнула она. — Почему ты смолчал? И давно ты знаешь?

— Давно. Ты на дату выпуска глянь.

— Она, что ... сама? С моста? — голос Тины сделался плаксивым.

— Судя по этой писанине — да. Но мы-то с тобой знаем цену этим сказкам, — Михаил криво усмехнулся. — Отсюда один путь, и ведёт он напрямик в ад. В предыдущих группах тоже были «недовольные». Те, кто пытался сбежать или качать права. Теперь они в полицейских сводках значатся как неопознанные трупы.

— Это ты сделал? — Тина подняла на него полные слёз глаза, боясь услышать ответ.

— Что ты, глупенькая! — он мягко коснулся её щеки. — Конечно не я. Мне не доверяют такую грязную работу. Для этого есть свои специалисты — киллеры-наёмники.

— Они и нас убьют? Когда всё закончится? — её голос сорвался на шёпот.

— Всё зависит от команды сверху. Но правда в том, что отсюда живым ещё никто не уходил. Люди просто исчезают, словно их никогда и не было. Поэтому и отбор такой жёсткий — сирот никто искать не станет.

— Самый надёжный способ сохранить секретность... — прошептала Тина, понимая весь ужас ситуации.

— Вынужденные жертвы во благо великой идеи. Всё ради денег.

— Как же это мерзко! — всхлипнула Тина, утыкаясь носом в его плечо.

— Тише, родная. Тебе сейчас нельзя плакать. Подумай о малыше! — Михаил бережно обнял её.

— Вот именно! Ради нашего малыша мы должны выбираться отсюда! — решительно сказала Тина, вытирая слёзы. — Говори, что нужно делать.

План был прост, но вместе с тем — коварен.

— Нужно подбросить эту статью Рому. Так, чтобы он ничего не заподозрил. Остальное он сделает сам. Я знаю, он до сих пор по Светке сохнет.

— Да, он вспыльчивый... Должно получиться, — согласилась Тина, хотя в её голосе звучало сомнение. — Только неизвестно, на что у него хватит духу после карцера. Он стал совсем странным.

— Лишь бы башню у него от горя окончательно не снесло, иначе всем нам не поздоровится. На всякий случай я буду охранять склад с оружием.

Зная бешеный нрав Рома, Тина понимала: выдавать правду в лоб было бы чистым самоубийством.

— Ты сможешь его отвлечь? На полчаса? Нужно, чтобы всё выглядело натурально.

— Попробую. Позову-ка я его в гараж гайки на колёсах покрутить.

Тина дождалась момента, когда Ром вслед за Михаилом покинул казарму. Сердце бешено колотилось, но она заставила себя действовать быстро и бесшумно. Проскользнув в его комнату, она огляделась. Нужно было найти место для «посылки», но такое, чтобы Ром нашёл её сам и чтобы обыск Алевтины ничего не дал.

На спинке стула висели любимые джинсы Рома — потёртые, неснимаемые. Это был идеальный вариант. Вырезку из газеты Тина аккуратно свернула в несколько раз и засунула в глубокий карман. Предварительно она достала красный карандаш и на обратной стороне статьи вывела два слова, от которых кровь стыла в жилах: «Отомсти!»

— Ну как? — спросил Михаил, когда она нашла их с Ромом в пропахшем бензином гараже.

— Порядок, — ответила она одними губами и многозначительно кивнула.

Теперь оставалось только ждать взрыва.

Прошёл день. Второй. Но Ром оставался пугающе спокоен. Ни странных поступков, ни злых взглядов — ничего.

— Мы ошиблись на его счёт, — разочарованно вздохнула Тина.

— Алевтина оказалась права: он тупой и твердолобый! Лезет на рожон по пустякам лишь для того, чтобы доказать свою крутость. А на самом деле — он обыкновенный трус! — с досадой бросил Михаил.

— Оказалось, что Светка для него пустое место! Жаль, я была о нём лучшего мнения.

— Тем более, мертвая, — согласился Михаил, — Не потрепашешься. Обычный похотливый самец, пускающий слюни на каждую юбку!

Внезапно Тина резко вскинула руку, приложив указательный палец к губам. Её глаза сделались настороженными.

— Миш, говори тише!

Командир ничуть не удивился, тут же понизил голос до едва слышного шёпота:

— Думаешь, нас подслушивают?

— Иногда мне кажется, что за нами следят, — её взгляд метнулся к вентиляционной решётке в углу комнаты. — Камер вроде нет, но кто знает. Вдруг, мы многое пропускаем, не замечаем.

— Вряд ли. Алевтина способна на подлости, но мы для неё — просто расходный материал. Её сейчас больше интересуют лавры почёта и очередная благодарность из центра. Она уже видит себя на пьедестале.

— Но она же суёт свой нос повсюду. Недавно, представь, я застала её с Ником. Они шептались на улице, спрятавшись за высокими кустами. Мне кажется, он шпионит для неё.

Михаил презрительно скривился:

— Вот так сюрприз! Она выбрала себе нового любимчика? Неожиданно. Только это ненадолго. Алевтина наиграется и кинет его, как надоевшую игрушку. Меня всегда поражало, как ей не надоели эти бесконечные интриги. Она стравливает людей, а потом сидит в своём кабинете и наслаждается зрелищем. Кровожадная тварь. Её стараниями организация прогнила до самых корней. В скором времени её ждёт неминуемый крах.

— Я бы хотела увидеть это шоу, — с мстительной улыбкой прошептала Тина.

— Думаю, это будет трагедия, а не комедия. Я бы тоже посмотрел, — ответил Михаил.

Он умолчал о многом. О своей истинной роли в этой организации. Тина не спрашивала, боясь услышать правду, а он молчал, оберегая её покой.

— Как жаль, что мы «обломались» с Ромом, — разочарованно вымолвила Тина, — Я была уверена, что он сорвётся, разбомбит здесь все до последнего кирпичика.

— Не волнуйся, мы найдём другой способ. Времени мало, но оно ещё есть, — пообещал Михаил, хотя в глубине души сам уже не верил в свои слова. Ром не оправдал надежд, и это злило его.

Но они зря сомневались в способностях Рома и язвили по поводу его тупости. Да, порой он подтверждал миф о том, что качки — недалёкие люди, но это была лишь искусная маскировка. Подобно хищнику, затаившемуся в высокой траве, он умел ждать, притаившись перед атакой, а его крутой нрав служил надёжным щитом от лишних вопросов и подозрений. Его коронная фраза «Отвали!» действовала на окружающих безотказно, отбивая всякое желание лезть ему в душу.

Утром, натягивая джинсы, Ром нащупал в кармане что-то постороннее. Он вытащил мятую бумажку и брезгливо поморщился.

— Мусор какой-то! — пробурчал он и швырнул газетный комок на пол.

Весь день бумажка провалялась в пыли под кроватью, забытая и ненужная. Вечером Ром вернулся после изнурительной тренировки в отвратительном настроении. Очередная словесная перепалка с Ником, который считал себя центром вселенной и задирали всех без разбора, окончательно выбила его из колеи. Чтобы успокоиться и выплеснуть накопившуюся ярость, он решил убираться в комнате.

Он методично подобрал сброшенную одежду, собрал грязные носки в корзину. Рука машинально наткнулась на тот самый газетный комок. Он развернул его почти рефлексивно, расправил смятые края на колене. Едва его взгляд упал на нечёткую фотографию и заголовок статьи, из пересохшего горла вырвался нечеловеческий крик:

— Светка! Мать твою! Какого?..

Он дочитал статью до конца, и каждое слово било наотмашь, разрывая внутренности. Он завыл — глухо, утробно, словно смертельно раненый зверь.

До этого момента он жил одной лишь призрачной надеждой. Мечтал, что однажды обязательно отыщет Светку, осыплет её поцелуями и больше никуда не отпустит. Он любил эту чертовку со всеми её недостатками и тайнами, вопреки всему, что ему о ней рассказывали. С её именем он засыпал каждую ночь и просыпался по утрам. Она была его якорем в этом безумном мире.

Бумажка выпала из ослабевших пальцев. Ром ещё раз взглянул на лицо с фотографии — когда-то прекрасное и живое, а теперь застывшее в посмертной маске. На память о белокурой красавице ему остался лишь этот отвратительный снимок.

Плечи его затряслись от беззвучных всхлипов, а на лице застыло выражение невыносимой муки и отчаяния. Он сжал кулак и со всей дури ударил в стену. Боль пронзила руку, выступила кровь, но это не отрезвило его.

В памяти секунда за секундой оживал тот проклятый день. Светка, шепча ласковые слова и улыбаясь своей обезоруживающей улыбкой, манила его за собой в подсобку. Он видел её пшеничные волосы, сияющие в лучах солнца, пробивавшегося сквозь пыльные окна; яркие искорки света в лукавых глазах; губы, распухшие от его поцелуев. Позабыв про осторожность и инстинкт самосохранения, они любили друг друга прямо на жёстком полу пока их не застигли врасплох.

Их разлучили грубо и жестоко. Но тогда Ром даже предположить не мог, что их роман обернётся для Светки гибелью. Виноват ли он? Или искать виноватых нужно было дальше?

Его обманули. Лживая сука Алевтина! Она убеждала его сладкими речами, что Светка просто дожидается его дома: живая и невредимая.

— Светка! Как же это? Малышка моя, — прошептал он в пустоту комнаты.

Просыпаясь ночами в холодном поту, он до сих пор мечтал о её нежном, гибком теле под своими руками. Только с ней он чувствовал себя по-настоящему живым. Впервые в своей «отбитой башке» он задумался о нормальных вещах: о доме, о семье. Он никогда не лез к Светке с расспросами о прошлом — просто хотел быть рядом.

От одного лишь её голоса Ром испытывал настоящее блаженство. «Котик», — ворковала она своим низким, грудным смехом, и он плавился от удовольствия. Они заводились с пол-оборота от одного случайного прикосновения или взгляда. Каждое касание пробивало разрядами молний, а сердце грозило выпрыгнуть из груди. Их страсть была дикой и неконтролируемой — она вспыхивала спонтанно, где угодно: в полутёмном коридоре или на жёстком полу.

Без неё для Рома мир рухнул. Он перестал существовать в прямом смысле этого слова. Ни одну другую женщину он не желал видеть рядом с собой.

«Даже опознать было некому!» — с горечью подумал он о последней строчке статьи.

Затем, он зачем-то перевернул газетный обрывок другой стороной и замер. На обратной стороне корявым почерком красными буквами было выведено одно-единственное слово: «Отомсти!».

Ром сжал бумажку в руке. «Обязательно отомщу», — мысленно поклялся он сам себе. Терять ему действительно было больше нечего. Врагов для себя он уже определил.

Глава 3

Романов Пашка, именуемый себя Ромом, не мог объяснить Алевтине, отчего его кулаки покрыты свежими ссадинами. Буркнул: «Тренировался» и отошел в сторону. Едва сдерживал kloкочущую внутри боль, все время пытающуюся вырваться наружу. Все чаще он игнорировал наставления Алевтины, считая их пустым трепом сумасшедшей бабы, съехавшей с катушек от недотраха. Порой представлял в самых жутких фантазиях, как сбивает с ног эту женщину, валит на пол и вбивает кулаки в ее лицо, испытывая огромное удовольствие от вида разбрызгивающейся крови, как ломаются кости ее черепа, как останавливается дыхание и бьется в судорогах холёное тело.

— О чём задумался, Ромик? — голос Алевтины был пропитан приторной заботой, от которой у него сводило скулы.

— Ни о чём. Башка раскалывается, — буркнул он, не поднимая глаз.

Наставница надменно сжала губы, густо выкрашенные алой помадой, и многозначительно вздохнула. С некоторых пор этот здоровяк начал её по-настоящему раздражать. Она привыкла видеть людей насквозь, читать их, как открытые книги, но Ром оставался для неё неприступной крепостью. Это бесило её ещё больше. Считая себя врачом душ и тонким психологом, она всегда следовала заветам великих теоретиков, исписавших тома о природе человека. Но в случае с Ромом все её методики разбивались о глухую стену агрессии и молчаливого сопротивления. Будучи непримиримой сторонницей идеи женского превосходства, она привыкла быть строгой повелительницей, чьё слово — закон. Ещё в институте, защитив диплом с отличием по теме «Психология влияния», она определила свой путь: власть через понимание человеческих слабостей.

Что ж, для этого неандертальца у неё имелась более изощрённая стратегия. Метод кнута она уже испробовала, теперь настало время пряника — сладкого, но с отравленной начинкой. И, как назло, подвернулся идеальный шанс провести полевые испытания.

— Скверно выглядишь, Ром, — констатировала она, окидывая его цепким взглядом.

— Спал плохо! — огрызнулся боец в той же тональности.

— Что-то ты совсем скис? Где тот задира и оболтус, что поразил меня своим необузданным темпераментом?

— Растворился, — глухо ответил он.

— Жаль! А у меня для тебя есть подарок.

— Странно, за какие это заслуги? — Ром наконец посмотрел на неё с вялым интересом.

— Ну как же? В обеих последних операциях ты проявил себя блестяще.

— Морду хмырю набил да чужую хату разбомбил. Всего-то и делов! Раньше я каждый день кулаками махал без расписания и команды, а теперь... Скука смертная!

— Скоро Каринка выведет нас к финалу, и ты получишь заслуженное вознаграждение. Сможешь жить на полную катушку.

— Бабло? И сколько там?

— На домик у моря хватит. И на развлечения тоже: девочки, выпивка — всё как ты любишь.

— Девочки, говоришь, — ухмыльнулся Ром — А если я попрошу другое?

— Всё, что пожелаешь, — «пропела» Алевтина. Врать она умела виртуозно, и Ром это уже прекрасно знал.

— Светку мне верни!

— Когда операция закончится, дам её адрес, — солгала она снова, даже не моргнув. — А пока вернёмся к подарку. Неужели тебе не интересно?

— Боюсь, помру от радости, — съязвил Ром, ожидая от этой женщины какой-нибудь примитивной ерунды вроде торта или новой футболки.

— Вы с Ником получаете приглашения в ночной клуб. По слухам, там девочки танцуют классный стриптиз. Сама не видела, врать не стану.

— Опять задание? — догадался Ром.

— По-да-рок! — манерно выговорила она по слогам. — Отдохнёте, выпустите пар, а то скоро закипите. Не вижу радости на лице? Тебе что, подарок не нравится?

— Отчего же? Я рад. Только неплохо бы обойтись без сопровождения.

— Не жадничай! Ник тоже потрудился на славу — заслужил. К тому же у вас есть шанс подружиться. Надоело наблюдать, как вы лааетесь из-за пустяков.

— Для меня это не пустяки. Он сам цепляется по любому поводу. Словно специально выслеживает меня, чтобы столкнуться десять раз на дню и столько же раз поругаться.

— Мой тебе совет, — учительским тоном начала Алевтина, — постарайся ужиться с Ником. Где-то уступи, где-то отойди в сторону, а лучше — стань ему другом.

— Это ещё зачем? Он меня когда-нибудь выбесит, и я набью его наглую морду.

— А он — твою. И что получится? Две набитые морды. Для общего дела вредно. Обещай исправиться.

— Подумаю, — буркнул Ром, — ехать-то когда?

— Прямо сейчас и отправляйтесь. Ник уже предупреждён. С ним, кстати, куда проще договориться, чем с тобой. Он согласился подружиться с тобой.

— Надо же! Вот так сюрприз!

Ром вышел во двор, где его уже ждал наглейший из одноклассников. Ник стоял у машины, демонстративно вертя ключи от автомобиля на указательном пальце.

— Ты чего так долго? — возмутился он. — Ждать устал. Ты же не дама, краситься не станешь? Или дать полчасика?

Ром молча пошёл к пассажирской двери. Как и обещал Алевтине, он проигнорировал колкость.

Ник успел забежать вперёд и с самодовольной ухмылкой плюхнулся на водительское сиденье.

— Я за рулем! Всё потому что ты тормоз! — попытался он завязать очередную перепалку. Но Ром лишь спокойно сел сзади и откинулся на спинку кресла:

— Я босс, а ты — водила! Рули, пока не уволил!

Ник оскалился:

— Как прикажете, босс!

Он выбрал направление к эстакаде вдоль берега реки. Оттуда открывался захватывающий вид на ночной город: искрящийся океан огней, пульсирующий жизнью и тайнами. Именно здесь, вдоль набережной, сосредоточились ночные заведения. Здесь отдыхали солидные клиенты с толстыми кошельками, и одновременно процветала дурная слава: за блеском фасадов скрывались грязные сделки и сломанные судьбы.

Ник уверенно вёл машину по ночному городу, выхватывая из темноты яркие неоновые вывески, ища среди них нужную.

— Как она сказала? Как называется клуб? — спросил он, не отрывая взгляда от дороги.

— «Зажигалка, кажись», — безразлично бросил Ром, скользя глазами по фасадам зданий. Его мысли были далеко отсюда, но что-то внутри уже подсказывало: это место изменит многое.

— О! Вроде, здесь, — Ник первым заметил переливающуюся розовым и фиолетовым вывеску.

Ром лишь пожал плечами. Он бывал в подобных заведениях. Но сегодня всё было иначе. Сегодня он хотел почувствовать себя живым.

Ник громко выругался, высматривая место для парковки. Наконец, с трудом втиснул машину между двумя внедорожниками, едва не «поцеловав» бампером белый седан.

Они вошли внутрь, и их тут же поглотила полутьма. Воздух был густым от запаха дорогого парфюма, сигаретного дыма и чего-то ещё — запретного, сладковатого. В центре ярко освещённой сцены, в луче прожектора, извивалась вокруг стального шеста гибкая фигура стриптизёрши.

— Ого! Мы там, где нужно, брат! — Ник хлопнул Рома по плечу, указывая на сцену. — Какие тёлочки!

Ром окинул взглядом зал, спускающийся амфитеатром к круглому подиуму.

— Обычный притон, — процедил он сквозь зубы, падая на свободный стул у столика с видом на весь клуб.

— Зря ты так. Мне нравится! Чувствую запах разврата, он будто лезет и лезет в нос.

— Ну ты и маньяк.

— Да, я такой. Испорченный. Пришло время насладиться жизнью. Нам, мужчинам, дозволено пользоваться преимуществом. Девочки созданы, чтобы приносить нам радость.

Ром нервно озирался. Ему казалось, что он попал в кадр какого-то криминального фильма. «Зажигалка» была заполнена тёмными силуэтами мужчин за круглыми столиками. Среди них, словно светлячки в ночи, выделялись изящные женские тела. Одни сидели на коленях клиентов, другие сновали между рядами с подносами, третьи извивались в танце у безликих фигур.

— Хорошее мы выбрали местечко, — восхищённо протянул Ник.

Он был прав. Их столик находился на верхней площадке, откуда просматривался весь зал. Ниже полукругом шли ступеньками другие платформы со столиками. А над проходом разместился бутафорский балкончик с тонкими колоннами. Там, перегнувшись через перила, полуобнажённые девушки высматривали добычу побогаче.

— М-м-м! Конфетка! Гляди! — не унимался Ник, указывая на сцену, где девушки смеялись друг друга в танце, сбрасывая с себя остатки одежды. — Сейчас бы парочку таких, да на коленочки, — мечтательно добавил он.

— Что будете пить? — к ним подошла эффектная брюнетка в передничке, надетом на почти голое тело.

— Пивка для начала. Дальше посмотрим, — за двоих ответил Ник. — Ты не против, дружище?

— Не против. Пора бы и горло промочить, — согласился Ром. На самом деле ему хотелось чего-то покрепче, чтобы смыть привкус тревоги.

Девушка удалилась, виляя бёдрами, но быстро вернулась с меню и двумя кружками пенящегося напитка.

— Наши расценки, — по-деловому предложила она.

Ром присвистнул:

— У вас тут задницы девиц из золота что ли? Или пиво из-за океана возите?

— У нас серьёзное заведение для серьёзных людей, — соблазнительно улыбнулась она. — Никто до вас не жаловался.

Из клубной карты следовало: чтобы просто смотреть на выступление стриптизёрш, нужно заказать дорогую выпивку. Контактный стриптиз в зале или в кабинке оплачивался отдельно и стоил целое состояние.

— Денегки у нас имеются, — заверил Ник, — сервис бы не подкачал!

— Вы будете несказанно счастливы сегодня — пообещала официантка — и обязательно захотите вернуться снова.

— У меня в кармане пусто, — равнодушно произнёс Ром. Его раздражала вся эта обстановка и он уже мечтал поскорее вернуться обратно.

— Не дрейфь. Я сегодня угощаю. Меня перед выездом хорошо спонсировали. Так что выбирай любую красоточку и отрывайся.

Взгляд Рома зацепился за соседний столик. Там великолепная блондинка с длинными волосами обслуживала клиента: садилась к нему на колени, вертелась вокруг него. Мужчина распускал руки, а она шутливо шлёпала его по ладоням, напоминая о правилах: «смотри, но не трогай».

В её плавных движениях Ром уловил до боли знакомое сходство. Тот же взмах золотистых кудрей, фигура, длинные стройные ноги. Он не мог оторвать напряжённого взгляда. Ещё чуть-чуть — и он готов был сорваться с места. Но его состояние прервало активное нашествие полуобнажённых девиц, спархивающих с балкончика, словно бабочки на свет.

— Котик, не желаешь развлечься? — нараспев протянула не слишком молодая дама с пышными формами.

— Может позже, — отмахнулся Ром, — я только пришёл и не готов пока.

Работницы бара вернулись на место, а Ник не замедлил снова выдать колкость:

— Зря прогнал её. Она была в твоём вкусе, — с иронией заметил он, уже усадивший на колени длинную тощую девушку и что-то шепчущий ей на ухо.

Одной ему показалось мало, и он поймал за тонкое запястье еще одну малышку с узкой талией, с небольшой грудью и великолепными бедрами.

— Какая куколка, — пуская слюни, выдал он, — иди ко мне, крошка!

Ром с каменным лицом наблюдал за развлечением Ника.

— Ты чего завис, дружище? Пользуйся случаем! Хочешь, я одолжу тебе вот эту? — предложил Ник. Его рука оглаживала аппетитную попку красивой стриптизерши.

— Я её хочу! — указал Ром на блондинку, убажачающую клиента за соседним столом.

— М-м-м! Одобряю. Какая конфетка! — согласился Ник, — сейчас мы это дело оформим. А ну иди сюда, — поманил он пальцем официантку, стоящую поблизости.

— Нам вот ту... беленькую. И побыстрее!

— К сожалению, Ника обслуживает постоянного, очень важного для нас клиента. Освободится, и я сразу же передам её вашу просьбу.

— Не понял! Когда она освободится? Ждать я не привык! — грозно рявкнул Ник.

— Где-то через час, не раньше. У нас есть девочки ничуть не хуже, посмотрите внимательней на зал. К примеру, сейчас свободна Соня, тоже блондинка.

— Ты не расслышала: мы только её хотим. И именно сейчас, а не через час или два. Перегореть можем.

— Заплатите двойную плату, и пользуйтесь в удовольствие, — предложила девушка. Но деньги вперед. С тем клиентом еще договориться нужно, сами понимаете.

Ник понимающе кивнул, его пальцы с небрежной уверенностью скользнули во внутренний карман пиджака. На свет появилась внушительная пачка купюр. Официантка, до этого момента державшаяся с профессиональной отстранённостью, вдруг преобразилась. В её глазах вспыхнул хищный, жадный блеск, а на губах заиграла многообещающая улыбка.

— Ваше желание — закон. Уже бегу... — её голос стал бархатным и тягучим, как горячий шоколад.

Прошло всего несколько минут, и в полумрак комнаты вплыла она. Сменив одежду на полупрозрачную вуаль, блондинка превратилась в воплощение соблазна. Её взгляд из-под густых ресниц цвета воронова крыла был томным и глубоким, а приоткрытые губы обнажали ряд безупречно белых зубов. Она заправила длинный светлый локон за аккуратное ушко и нежно, почти по-кошачьи, проворковала:

— Я Ника.

Она закусила сочную губку и наклонилась так близко, что Рому показалось, будто он чувствует жар её дыхания. Её голос был нежным шепотом, предназначенным только для него.

— А тебя как зовут, милый?

— Ром, — выдохнул он, чувствуя, как сбивается дыхание. Грудь внезапно сдавило от странной дрожи, а сердце сорвалось в бешеный галоп. Руки сами, против его воли, потянулись к девушке, стремясь ощутить тепло её кожи.

Улыбчивая красавица с изящной шеей и хрупкими, узкими плечиками грациозно опустилась к нему на колени. Её выдающиеся полушария груди едва прикрывала тонкая ткань, а хорошо развитые бёдра и точёные ножки в крошечных трусиках прижались к нему теснее некуда.

— Ты ждал меня? — её голос был медовым ядом.

Ром уткнулся носом в то самое место за ушком, от аромата которого у него всегда сносило крышу. Он вдохнул знакомый запах.

— Светка... — прошептал он, растворяясь в иллюзии.

— Да, любимый, — промурлыкала она в ответ.

— Я так скучал! Где же ты была? — его голос дрожал от нахлынувших чувств.

— Я тоже скучала, но раньше прийти не могла, — лживо вымолвили губы поддельной Светки, но Ром уже не слышал фальши.

У него и вовсе снесло башню. Повинуясь внезапному, животному порыву, он впился пальцами в тело блондинки и застонал от обрушившегося на него счастья.

— Ты больше не уйдёшь? Поклянись! — взмолился он.

— Клянусь. Не бойся. Расслабься, я покажу, как умею любить, — прошептала она.

Подобие Светки усердно отработывало потраченные на неё деньги. Длинные ноги летали перед лицом Рома, который завис в загипнотизированном состоянии экстаза. Девушка крутилась на его коленях, поднималась и опускалась, упираясь упругими ягодицами ему в грудь. И вдруг этот волшебный морок разбился вдребезги.

— Продлевать будете? — прозвучало грубо и буднично, как гром среди ясного неба.

— Нет! — жёстко рявкнул Ром, возвращаясь в уродливую реальность. Словно его с головой окунули в ледяную воду.

Никогда прежде он не испытывал такой всепоглощающей, чёрной ярости. Девушка, что сейчас извивалась вокруг него за пару жалких купюр, была лишь дешёвой, отвратительной иллюзией. Грязной пародией на тот светлый образ, что он хранил в самом сердце. Она не шла ни в какое сравнение с его Светкой. Это было кощунство, изощрённая пытка.

Стоило ему сомкнуть веки, как по какому-то жестокому волшебству перед взором возникал её родной силуэт. Он видел её такой, какой она была в моменты их абсолютного, безграничного счастья. Видел, как её тонкие, почти прозрачные пальчики с нежностью выводили причудливые узоры на его обнажённой груди, и мир вокруг переставал существовать.

Но воображение — жестокий художник — рисовало и вовсе невыносимые картины. Самые страшные. Он видел её там, на том проклятом мосту. Беспомощную, хрупкую Светку, сломленную вражьей рукой. А он... Его не было рядом.

Он не защитил. Не спас. Не уберёт.

В его кошмарах она летела в ледяную бездну и звала его по имени. Кричала так отчаянно, что этот крик до сих пор стоял у него в ушах. Он словно воочию наблюдал, как её идеальное тело всё глубже погружалось в пучину мутной речной воды. А потом наступала оглушительная тишина. Он представлял, как её безжизненное тело опустилось на вязкое, илистое дно реки, и шелковистые золотистые кудри перепутывались с колючими водорослями, становясь их неотъемлемой частью.

Рыча от бессилия и боли, Ром с грохотом опустил кулак на стол. Дерево жалобно скрипнуло. Он резко сорвался с места, словно пытаясь убежать от собственных мыслей.

— Куда, мать твою? Малахольный! — рявкнул ему вслед Ник, которому пришлось грубо оторваться от двух уже изрядно распалённых его руками красоток и броситься следом.

— Хочу напиться! — бросил Ром, не оборачиваясь.

— Купим водки, в чём вопрос? — Ник пытался звучать рассудительно, но в его голосе слышалось раздражение. — Зачем уходить-то? Всё самое интересное только начинается! Хочешь, я тебе эту девку на всю ночь куплю?

— Пойло здесь отвратительное, — отмахнулся Ром, даже не сбавляя шага. Его голос был пропитан желчью. — А девка... она мне не понравилась.

— Найдём лучше, не кипишуй, — Ник одобрительно хлопнул его по плечу, — Не кисни.

— Ты заметил, эта Ника так похожа на Светку.

— Да ладно! Не преувеличивай. Никакого сходства. Чем же она тебя зацепила?

— Волосы такие же. И пахнет она так же. А в остальном — подделка. Грубая подделка.

— Давай-ка вернёмся обратно в клуб? Я рассмотрю повнимательнее, — предложил Ник.

— Пойдём отсюда, а то настроение на нуле. Не хочу больше эту вертихвостку видеть. Тошно от неё.

— Что ж, идём, — с явным сожалением ответил Ник, понимая, что сегодня веселью конец.

Они проехали совсем немного, пока Ник не свернул на неприметную парковку у скромного, почти безлюдного кафе. Они выбрали самый дальний столик в пустом зале, словно инстинктивно ища уединения для тяжёлого разговора. Официантка, зевая, принесла заказанную выпивку, и вскоре бутылка сорокаградусной наполовину опустела.

Алкоголь сделал своё дело: после двух полных стопок у Рома развязался язык, а взгляд стал тяжёлым и мутным.

— Знаешь, друг, — начал он, и Ник невольно приосанился. Впервые за долгое время Ром назвал его другом. — У меня есть секрет.

— Говори, я — могила! — Ник подался вперёд, глаза его заблестели от любопытства.

— А Светки больше нет.

Ник поперхнулся, закашлялся и недоверчиво уставился на Рома.

— Шутишь? Она же дома. Алевтина сказала, все слышали, не я один.

— Гляди, если мне не веришь, — Ром опустил на липкую поверхность стола изрядно помятый газетный обрывок.

Ник брезгливо разгладил лоскут бумаги, водя пальцем по строчкам. Он долго, мучительно долго разглядывал нечёткую фотографию.

— Кажись, не похожа. Не, не Светка это Зря ты себя накрутил, — наконец выдавил он.

— А кто ещё? На дату смотри! К тому же у Светки на запястье шрам от ножа остался. Приметы сходятся.

— Она не дура с моста прыгать. Что-что, а жизнь она любила, — Ник пытался цепляться за соломинку.

— Вот именно. Значит, кто-то ей помог. Сама бы она никогда. Мы договорились с ней, что будем вместе, что у нас будет семья.

— Хм! Если так, то на твоём месте я бы стал осторожнее и постарался все забыть. Светку уже не вернёшь, а тебе жить дальше.

— Не могу, Ник. Душа чешется, и кулаки тоже. Я не могу это так оставить.

— Что делать будешь?

— Убивать. Без суда и следствия.

Ник мгновенно понизил голос до едва слышного шёпота:

— Кого убивать? Ты знаешь, кто это сделал с твоей Светкой?

— А то ты ещё не догадался? — Ром криво усмехнулся, и от этой усмешки у Ника по спине пробежал холодок. — Из этой заварушки один путь — деревянный макинтош. Или ты думаешь, что выкрутишься, когда операция закончится? Светка, по их словам, дома «загорают», а на самом деле — на том свете.

— Женщины — непредсказуемые существа. Может, всё-таки Светка сама свела счёты с жизнью? Знал я одну, которая по-пьянке с окна пятого этажа выскочила с громким криком: «Жизнь — говно!».

— Нет. Светка меня ждала. У неё не было мотивов идти на корм рыбам.

— Тебя на ней переклинило? Вокруг девчонок — сколько хочешь, только пальцем щёлкни. Ноги раздвинут, обслужат по высшему разряду.

— Не хочу я, чтобы меня обслуживали! Унизительно это. Хочу по любви. Чтобы чувства были. После Светки ни на кого смотреть не могу, — ответил Ром и с глухой яростью вновь вбил кулак в поверхность стола.

— Да ты влюбился!

— И что с того? Моя любимая женщина погибла ни за что. Но я-то жив пока! И не успокоюсь, пока не отомщу.

— Угомонись, до добра это точно не доведёт. Зачем тебе рисковать? Отпусти ситуацию и просто радуйся жизни. Она одна...

— Выхода другого не вижу. Измучился совсем. Закрываю глаза — Светка улыбается, сверлит меня своими глазёнками. Хрен с ней, с осторожностью! Главное, что я её не предаю. Понимаешь?

Ник стало не по себе от этого фанатичного блеска в глазах Рома.

— Я тебя понимаю, но не одобряю. Что ж ты, словно одичалый зверь, лезешь напролом? Нет в тебе хитрости. Так ты быстро попадёшься и некому будет мстить за Светку.

— А как надо? — не понял Ром.

— Обдумай всё. Разложи по полочкам. Найди сообщника. Когда не один, всё легче переносится и дела совсем другие делаются. Есть кому спину прикрыть в случае чего.

Ром замер. В его затуманенном мозгу мелькнула догадка.

— Это предложение? Ты готов стать моим союзником?

Ник замычал что-то нечленораздельное:

— М-м-м-м. Не знаю. Надо подумать...

— А что? Идея хорошая. Объединимся с тобой и взорвём к чертовой бабушке эту организацию вместе со всеми её тайнами! Как ты на это смотришь?

— У меня к ним претензий пока нет. Кормят, поят, спать укладывают. Деньжат вот на развлечения подкинули.

— Это пока! Скоро операция свернётся, и тебя и меня ждёт один конец. Не зря Михаил сказал, что все предыдущие команды самоликвидировались. Помнишь?

— Это твои домыслы. Доказательств нет.

— Не веришь мне? Напрасно. Все же логично.

— Отчего же? Верю. Но только в нашем с тобой союзе выгоды своей не вижу.

Ром усмехнулся:

— Ну хоть в этом я не просчитался. Без пользы ты чихать не станешь.

Ник хмыкнул:

— Жизнь — штука сложная! Меня она столько раз по морде била — пальцев не хватит сосчитать! Что ты можешь мне предложить?

Ром наклонился ближе:

— Не хотелось бы назавтра в газетах читать, как тебя от машины соскабливали или по кускам из-под поезда доставали. Да и мостов в округе полно. Если держаться вдвоём — у нас есть шанс выбраться отсюда живыми.

Ник выдержал долгую паузу. На его лице отражалась напряжённая внутренняя борьба: жадность боролась со страхом за собственную шкуру. Наконец он решился:

— По рукам, брат! Я с тобой! — согласился он и протянул руку для пожатия.

На его лице отразилась довольная улыбка: он выполнил ещё одно задание Алевтины без всяких усилий. Как всегда она была права: Ром — тупой качок с разбитым сердцем, которого так легко провести.

Глава 4

Тоска смертная — сидеть в засаде, особенно когда голова раскалывается после вчерашней попойки. Ром ворчал себе под нос, как старый, недовольный жизнью дед:

— Куда мы в такую рань? Хоть бы выспаться дали!

Ник слушал его вполуха, полностью сосредоточившись на магнитоле. Он безуспешно пытался поймать «нормальную волну», крутя ручку громкости до максимума. В его понимании, сейчас отчаянно не хватало жёстких, бескомпромиссных песен эпохи девяностых — гимнов о крутых парнях, которые не продают честь за пятак.

— Башка трещит! — первым не выдержал Ром, закрывая глаза ладонью. — Сделай тише!

— Ага! Третья бутылка была явно лишней, — философски заметил Ник, не отрывая взгляда от дороги.

— Не помнишь, зачем мы ещё и шампанским всё это полирнули? Намешали, теперь вот мучаемся.

— Повод был. Ты что, совсем ничего не помнишь?

— Вообще ничего! В ушах звенит, а в горле сушняк, как в пустыне.

— За дружбу пили. За наше братство... — начал терпеливо восстанавливать события Ник.

— А-а-а-а!.. Точно... — лицо Рома просветлело. — Мы с тобой теперь братаны.

Он снова потёр виски и простонал:

— Всё, больше не пью!

— И меньше тоже! — пошутил Ник и рассмеялся в голос. Но его смех внезапно оборвался, — Хорош байки травить. Объект появился, — ожил он, вцепляясь пальцами в руль.

Ром лениво приподнялся на сиденье, протирая опухшие глаза.

— Смотри, а Каринка наша — та ещё штучка! Вцепилась во фраера всеми клешнями, — заприметил он с интересом.

— Меня она не интересует как женщина, — холодно отрезал Ник. — Обычно у таких, как она, в том самом месте зубы растут.

— Скажешь тоже! — отмахнулся Ром. — Девчонка что надо. Разве что дерзкая слишком.

— А ты попробуй, узнаешь. Потом мне расскажешь, кто из нас был прав. Эта Каринка — девчонка с сюрпризами. Не смотри, что личико ангельское.

Парни этим промозглым утром затаились в грязной подворотне рядом с домом Кирилла Серебренникова. По полученной информации, сегодня парочка собиралась за город. До этого Ром несколько раз следил за их передвижениями, но ничего интересного: банальные магазины, скучное кино, прогулки по парку.

Михаил, отправляя парней на задание, заранее предвидел отсутствие у них рационального мышления и способности трезво оценивать обстановку. Поэтому дал строгий и лаконичный приказ: «Наблюдение. Фиксация. Доклад».

Ник, считавший себя асом в водительском мастерстве, осторожно вырулил следом за чёрной иномаркой Серебренникова. На шоссе он держал дистанцию, определив для себя идеальное место — через два автомобиля позади. Каринка наверняка уже засекла «хвост», не зря же она проходила то же самое обучение, что и они. Вопрос был лишь в том, насколько она снюхалась с любовничком, чтобы сообщить ему об этом.

Ром нетерпеливо ёрзал на сиденье, наблюдая, как Серебренников нагло обходит одну машину за другой и скрывается из вида.

— Не отставай! Добавь газу! Ну же!

— Раз такой умный, сам бы садился за руль! — огрызнулся Ник, сожалея лишь о том, что не может прямо сейчас вмазать по наглой роже Рома. Только тугодум с тяжёлым взглядом

и глубокой складкой между бровями был прав: машина Серебренникова, жёстко виляя между встречными потоками, уже далеко ушла вперёд.

Они совершили опасный манёвр — обошли длинную фуру и ещё какую-то таратайку-черепаху, но было поздно: тесный поток машин навсегда оторвал их от объекта.

Ник матюгнулся сквозь зубы и ударил кулаками по рулю от бессилия. Однако Ром вместо слов осуждения равнодушно произнёс:

— Да и хрен с ними! Пусть проваливаются. Доберутся до своей дачки, любовью займутся, птичек послушают.

— Пусть хоть голышом по крышам скачут! Чего докладывать будем? Алевтина рассердится.

— Ещё расплачься тут! Только у меня носового платочка с собой нет, слёзы тебе утирать.

— Не беси! Тебе может и пофиг, а мне нет. Ты же не понимаешь...

— Отчего же? Думаешь, я не знаю, что ты перед Алевтиной выслуживаешься? Что на место Михаила метишь? Но он вроде пока никуда не собирается.

— Увидишь: из меня командир лучше получится.

— Из тебя? Командир? Ха-ха-ха! Да у тебя кишка тонка. И умишком бог обидел. Против Михаила ты — ноль без палочки. Но одно ты делаешь лучше всех, признаю...

— Чего же, интересно знать?

— Не отрицай, что стукачом заделался. Твоими стараниями Алевтина всё про всех знает. А ты специально с расспросами лезешь, своим в доску прикидываешься.

— Что же ты душу-то мне свою наизнанку вывернул вчера после клуба?

— Специально. Предвидел, как ты побежишь сдавать меня. И оказался прав: ночью ты больше часа клеветал на меня, закрывшись с Алевтиной в её комнате.

— Ты же в отключке был!

— Трезв как стёклышко! Напугал водой водолаза! Для меня это не доза. Тьфу!

Ник чуть не прострелил Рома взглядом насквозь. В салоне автомобиля повисла настолько напряжённая атмосфера, что воздух казался наэлектризованным и мог воспламениться в любую секунду. Ром давно ожидал этого момента, когда увидит в лице соперника абсолютную ярость. По правде сказать, кулаки его давно чесались показать не только физическое превосходство, но и навсегда поставить точку в их вечном споре.

— Выйдем? Поговорим? — предложил он тихо и угрожающе.

— Поговорим! — зло процедил Ник сквозь сжатые желваки. Сворачивая с дороги в сторону пустынного поля, он быстро оглянулся вокруг, высматривая, нет ли лишних свидетелей их неминуемой схватки.

Детство Пашки Романова было собрано из синяков, ссадин и пьянящего, почти наркотического азарта битвы. Нескладный, но вёрткий, он дрался не из-за склочного характера. В его юной, бурлящей крови каждый раз просыпалось необъяснимое, дурманящее состояние — экстаз схватки, несравнимый ни с каким другим удовольствием. По этой причине спровоцировать его на кулачный бой было до смешного просто. За толчок в спину, подножку или едкую дразнилку он, не раздумывая, бил кулаком в лицо — не только одноклассников, но и ребят постарше, бывших выше его на голову и превосходящих по силе. Благодаря упёртости и странному, почти патологическому отсутствию болевого эффекта, Ром побеждал в большинстве драк. Из прочих выбирался побитым, но не сломленным, поскольку всегда находил способ поквитаться. Кроме одного случая.

Тогда банда местных отмороzków подкараулила его на пустыре. Четверо против одного. Всё началось с пустячной зацепки, переросшей сначала в словесную перепалку, а после — в откровенный мордобой. Ром начал первым, самонадеянно полагая, что сможет дать отпор. Это его и подвело: он падал и вставал, пропуская удар за ударом, потому что кулаки сыпались со всех сторон. Глаза заплыли, нос превратился в хлюпающий кровавый сгусток, губа саднила и

кровоточила, но, свернув кулаки с новой силой, он пер напролом, пока снова не оказывался на земле. Там его и настигли тяжёлые ботинки с толстыми подошвами. Глаза он открыл уже в больничной палате, куда его доставили неизвестные свидетели.

Это было давно. Но и сейчас в нём разыграл тот самый азарт и та же самая жажда.

— Чего замер? Испугался, что ли? — сквозь зубы процедил Ник, грубо толкая его в плечо и вырывая из паутины воспоминаний.

— Лапы убери, а то втащу, — огрызнулся Ром, едва сдерживая клопочущую внутри ярость.

Они отошли от машины и свернули в сторону поля. Со стороны это выглядело вполне мирно — будто два приятеля ищут укромное место для справления нужды.

По силе они были почти равны: оба — хищники в человеческом обличье. Разве что Ром был чуть шире в плечах и выше на пару сантиметров. По предыдущим спаррингам с Ником он выучил его тактику: нападение и отступление. Ник любил заигрывать, совершая много лишних движений — прыжков и финтов, сопровождаемых активной мимикой и потоком матерных слов. Вот и сейчас он подначивал и без того злобного Рома, делая акцент на его умственной отсталости.

— У тебя и так башка отбита. Не боишься остаться дураком окончательно, debil?

— Барышни вперёд, — прошипел Ром, останавливаясь. Не было причин тащиться дальше по полю: метром больше, метром меньше.

Несколько опасных мгновений парни стояли напротив друг друга. Два огромных, агрессивных зверя, готовые рвать жертву до последней капли крови. Первым не выдержал Ник. Он высоко занёс кулак и нанёс удар в правую скулу Рома. Тот даже не пошатнулся, но в его голове зашумело. Он пропустил удар, оставив его без ответа.

— Слабак! Так только пьяные девки дерутся! — усмехнулся Ром.

— Я тебе никогда не говорил, что я амбидекстер? — поинтересовался Ник, потирая костяшки левой руки и хищно скалясь.

— Хрен ты моржовый! — отозвался Ром, сплёвывая на землю кровавую слюну. Он не понял мудрёного слова; ему казалось, что у этого психа глаза как у накуренного или сумасшедшего.

— У меня обе руки развиты одинаково. Не то что у тебя — правая ведущая!

— Зато какая! — прорычал Ром и пустил свой коронный правый хук точно в центр лица Ника.

Окончательно озверев, хрипло рыча и выкрикивая грязные ругательства, они бросились друг на друга. Это была уже не драка — это была бойня. Лица превратились в кровавое месиво, костяшки пальцев были сбиты до мяса. Из перекошенных злобой ртов вместе со сгустками крови и слюны вылетали обломки выбитых зубов. Пропустив очередной удар в переносицу, Ник потерял равновесие и тяжело рухнул на землю, но тут же усилием воли вскочил на ноги и ударил Рома в межрёберье. Тот охнул и присел от боли. Видя пусть малое, но превосходство, Ник взревел и нацелил сокрушительный удар ногой в пах.

Ром чудом увернулся, подставив под удар руку. Каменным блоком он захватил Ника сзади за шею и начал душить. Тот уже захрипел, сообщая миру, что вот-вот задохнётся от недостатка воздуха. Но вывернулся самым подлым образом: вцепился зубами в удерживающую руку и смог разжать смертельные объятия. Ром отпрянул, потирая прокушенную до крови кожу.

— Дерёшься как баба: кусаешься! По яйцам пинаешь! Чего дальше? За волосы меня оттакаешь?! — выплюнул он с презрением.

Ник дрожал от ярости, совершенно забывая в тот момент ради чего всё началось и чем может закончиться. Он бил левой, затем правой в твёрдую, будто стальную грудь Рома, получая в ответ сокрушительный удар в уже подбитый глаз.

Дальше всё смешалось в кровавый калейдоскоп: мелькание рук и ног, звериный рёв и тупые звуки ударов, каждый раз достигающих цели. Обтерев лицо ладонью от горячей крови, Ром сделал мастерскую подсечку и швырнул взбесившегося Ника на землю. Он сел сверху и начал наносить удары в лицо противника. Колотил по горячему дышавшему рту кулаком, всё больше распаляясь с каждым замахом. Он не мог остановиться даже тогда, когда лицо под его кулаком сделалось скользким и безвольным.

Теряя остатки сознания и чувствуя приближение темноты, Ник из последних сил сунул руку за пазуху. Холодное дуло пистолета прижалось к виску Рома. Грохнул выстрел.

Пуля пробила череп насквозь, обдавая Ника брызгами горячей алой крови.

— Я победил! Тупой ублюдок! — заорал он во всю глотку, сталкивая с себя безжизненное тело врага.

Обессиленный победитель упал на спину рядом с трупом и закрыл глаза. Его окровавленные губы шептали молитву или клятву:

— Ты будешь довольна... Я выполнил задание... как и подобает профессионалу...

В следующем выпуске местной газеты появилась маленькая заметка — сухая отписка о криминале:

«Как сообщает УМВД России по региону, обнаружен труп мужчины с признаками насильственной смерти — огнестрельное ранение в голову. Приметы: на вид 30 лет, крепкого телосложения, высокий метр восемьдесят пять, короткая стрижка; на спине имеется татуировка в форме буквы «Р». Был одет: рубашка чёрного цвета, чёрные джинсы. Полиция устанавливает личность погибшего и просит граждан сообщить информацию по телефонам дежурной части».

А в это самое время... В другой вселенной...

Ром стоял в месте, которое казалось сотканным из самого света и абсолютной, звенящей тишины. Воздух здесь был густым и сладким, пропитанным ароматом мёда и цветочной пыльцы. Над головой раскинулось безоблачно-синее небо, по которому, словно живые искры, порхали золотистые пылинки, сияющие и переливающиеся в лучах яркого, но не обжигающего солнца. Вокруг росли чудесные, неземные цветы, склонившие свои головки в немом приветствии, а деревья шелестели листвой так мелодично, будто шептали древние колыбельные. Лёгкий тёплый ветерок ласкал кожу, обещая покой и забвение всех земных бед.

Он был настолько поглощён этой неземной гармонией, что не заметил, как кто-то бесшумно подкрался сзади. Нежные ладошки с тихим смехом закрыли ему глаза.

— Угадай кто? — голос прозвучал музыкой, которую он не надеялся услышать вновь.

У него перехватило дух. Сердце, которого здесь, казалось, не должно было быть, пропустило удар и забило с бешеной скоростью.

— Светка! — выдохнул он имя, которое было для него синонимом смысла жизни.

Он резко обернулся и увидел её. Подхватил на руки легко, словно она ничего не весила, и крепко прижал к себе. Милая. Единственная. Самая желанная женщина на свете. Она ничуть не изменилась — всё такая же ослепительно красивая, живая и тёплая.

— Почему ты так долго? Я заждаюсь, — пожурела она с нежной улыбкой, запуская тонкие пальчики в его волосы и притягивая его голову для поцелуя.

— Я же не знал, что так можно было... — прошептал Ром между поцелуями. — Ты же умерла. Я видел фотографию в газете. Ты утонула.

Светка лишь беззаботно рассмеялась, и этот смех зазвучал вокруг серебряными колокольчиками.

— Ну и что? Ты тоже умер. Зато теперь мы никогда больше не расстанемся.

Ром чуть не задохнулся от нахлынувшей радости. Он зарылся носом в её золотые кудри, вдыхая знакомый аромат — смесь полевых цветов и чего-то неуловимо родного, что покорило его жестокое сердце раз и навсегда.

— Прости меня... — голос его дрогнул. — Я не смог защитить тебя. Я так виноват перед тобой.

Светка коснулась кончиками пальцев его щеки, стирая невидимую слезу.

— Уже простила. Не грусти. Впереди у нас вечность. Зачем сожалеть о том, что уже случилось и чего нельзя изменить?

— Я так люблю тебя, Свет, — выдохнул он, чувствуя, как тяжесть последних дней спадает с его плеч.

— А я тебя, — эхом отозвалась она. И вдруг в её глазах вспыхнул озорной, знакомый ему огонёк. Она хитро прищурилась: — И прямо сейчас у меня для тебя сюрприз. Поиграем?

Рома не нужно было уговаривать дважды. Он слишком хорошо знал этот взгляд и эти интонации. Светкины намёки он умел расшифровывать с их самой первой встречи. Он потянулся к её губам за новым поцелуем и зажмурился от чистого, незамутнённого счастья.

Вокруг них вострепнулись мириады золотистых пылинок, засияли ярче под лучами благодатного солнца, когда двое влюблённых медленно опустились на мягкую, изумрудную траву, сплетаясь в единое целое.

Глава 5

Карина с недавних пор жила в состоянии абсолютного, почти идеального счастья. Каждую ночь она засыпала в объятиях любимого человека, и ей казалось, что она парит над облаками в воздушно-ванильном небе, где нет ни тревог, ни прошлого. Ничто не нарушало её грёз о принце из волшебной сказки, ведь, по сути, они почти сбылись. За малым исключением, о котором не так легко было забыть. Пусть это была лишь иллюзия, но она была осязаема, реальна. Глядя в зеркало, Карина видела не просто красивую девушку — она видела себя одухотворённой. Её глаза сияли, переливаясь сотней бликов, словно два драгоценных камня, выдавая внутреннее состояние безграничной эйфории.

Она сладко потянулась, расправляя шёлковую сорочку, ласкавшую кожу. Такая неженка. Опустила ноги на пол, утопая в мягком ворсе меховых тапочек-зайчиков — милого подарка Кирилла. Раздёрнула вуали штор, впуская в комнату утреннее солнце. Яркий луч разрезал пространство, расчерчивая пол на тёмные и светлые квадраты. Кирилл не спешил выбираться из постели. Свет коснулся его лица, заставляя зажмуриться ещё крепче.

— Соня, пора вставать! — шутливо шепнула Карина, заползая обратно в постель и обвивая его шею руками.

Кирилл лишь притворился спящим. На самом деле он ждал удобного момента. И вот он настал. Он резко набросился на неё, переворачивая под себя.

— Попалась! — выдохнул он ей прямо в губы и накрыл их головокружительным поцелуем, заставляющим позабыть обо всём на свете. — Сегодня едем за город, — нараспев протянул он, оторвавшись от неё лишь на мгновение.

— Ура! — завизжала Карина, соскучившаяся по свободе. Всю неделю она просидела взаперти: Кирилл строго-настрого запретил ей покидать квартиру. В скуке она перечитала все книги и облазила интернет вдоль и поперёк.

— На все выходные, — добавил Кирилл, окончательно осчастливив её.

В предвкушении поездки они выпили по чашечке кофе, собрали изрядный запас вещей и корзинку с продуктами. После комфортно устроились в автомобиле и двинулись в путь. Солнце припекало всё сильнее, но под прохладное дыхание кондиционера жара казалась восхитительной. Карина наслаждалась моментом, тихонько мурлыча под нос незатейливую песенку.

— Умничка моя, — похвалил Кирилл, окидывая её одобрительным взглядом. — Оделась что надо!

Она удивлённо поморщила носик:

— Тебе не нравится? Ты шутишь?

— Наоборот, я в восторге.

Он провёл ладонью по её голой ноге, задирая короткое платьице. Карина догадалась, куда он клонит, и уже настроилась на игру, игриво передвигая его руку чуть выше.

— Так мы точно до места не доедем, — категорично заявил Кирилл.

— Но ты первый начал! — с лукавой ухмылкой откликнулась она.

К этому времени они уже выехали за город. Кирилл сверился с навигатором.

— Далеко до дачи? — поинтересовалась Карина.

— Около сотни километров. Сводный брат, большой любитель соснового озона, приобрёл что-то наподобие охотничьего домика. Я там ни разу не был, зато слышал восторженные дифирамбы: речка, зелень, тишина. Почти рай на земле.

— У тебя есть брат? Ты не рассказывал.

— Разве? На прошлой неделе он звонил, тобой интересовался, привет передавал.

Карина поправила непослушную прядь волос.

— Не помню, — призналась она. — Всё время в облаках витаю.

— И я вместе с тобой.

Между ними постоянно вспыхивала невидимая искра. Кирилл оглядывался на её милое личико, жмурившееся от солнца. Предмет его обожания обладал природным магнетизмом, заставляя его думать только о поцелуях.

— Не провоцируй меня больше, а то мы больше не проедем ни километра, — предупредил он хрипло.

— Больше не буду, — пообещала она и устремила взор за окно.

В зеркале заднего вида её внимание привлёк автомобиль. Чёрный седан с затонированными стёклами следовал за ними по пятам. Она заметила его ещё на выезде из города, у вывески «Доброго пути!».

— Кирилл, та машина. Мне кажется, она преследует нас.

Он напрягся:

— Ты тоже обратила на неё внимание?

Она часто-часто заморгала:

— Обратила. Ты знаешь, кто это?

— Догадываюсь. Конкуренты решили поиграть. Могли бы придумать что-то оригинальнее, чем игру в догонялки.

— А если они стрелять начнут?

— Стрелять? Сейчас не девяностые... Всюду камеры. К тому же я им нужен живым. Пока...

— Пока! — взвизгнула Карина.

— Им моя программа покоя не даёт. Она же денег больших стоит. Получат — отстанут сразу же. Только фиг им!

— Мне страшно!

— Сейчас оторвёмся. Держись крепче. А лучше глаза закрой.

Карина послушно закрыла лицо ладонями, вжимаясь в сиденье. Кирилл ударил по газам. Ловко маневрируя по встречной полосе, он обошёл несколько автомобилей и оглянулся назад: преследователей не было видно.

— Карин, кажется, они отстали, — удовлетворённо сказал он, нежно сжимая её пальцы.

— Может, и не было никакой погони? Мы ошиблись? — выдвинула версию Карина.

— Как знать. Но согласись, эффектно ушли. Смотри на поток встречных — у них нет шанса протиснуться.

— Да. Ты у меня водитель класс! Самый лучший!

Каринка вздохнула. Она знала: слежка велась круглосуточно. Под окнами квартиры Серебренникова сменяли друг друга Ник и Ром; однажды она даже видела Динку напротив дома. Достали! Ей хотелось лишь одного — чтобы их оставили в покое навсегда. Всё, что было до встречи с Кириллом, хотелось вычеркнуть из памяти. Обидно было осознавать, что именно она подвергала его риску.

— Кирюш... Если я попрошу, ты выполнишь?

Он усмехнулся:

— Любое желание за твой поцелуй.

— Брось затею с этой программой безопасности! Иначе она станет программой опасности. Враги найдут способ надавить на тебя. Ты можешь лишиться всего, даже жизни.

Он нахмурился:

— Странно слышать это от тебя. Вижу, что переживаешь не меньше меня. Но не могу — это выше моих сил. Не так-то просто дело всей жизни выбросить на помойку.

— Надо всего лишь убедить их, что ты отказался от идеи. Что если их обмануть, а они поверят? Тогда вокруг шум уляжется. А спустя время, ты снова запустишь свой проект, и выйдет всё по-другому. Они просто не успеют сообразить, что ты их развёл.

— Понимаешь, в этом бизнесе всё быстротечно. Завтра эта программа станет всего лишь примитивным прошлым. Никому не нужным прошлым.

— Но они не отстанут! Неужели возможность заработать важнее жизни?

— Дело не в деньгах или месте в рейтинге. Скорее — это принцип. Я сдамся и подставлю всю команду «Серебра». Как я после этого смогу смотреть им в глаза? А мой авторитет?

— Ты упёртый! Или камикадзе? Твоя компания — твои решения! Обидятся, а потом поймут и смирятся. Придумайте что-то другое, менее опасное.

— Другое! Да это годы работы! — воскликнул Кирилл, — Не можем же мы переквалифицироваться на создание компьютерных игрушек или музыкальных плееров. Создание ширпотреба — вещь популярная, и более прибыльная, но это откат назад

— Зато все останутся живы, — возразила Карина.

— Наш поворот, — перевел Кирилл тему, круто выворачивая руль.

Карина ловила пальчиком солнечный зайчик, затесавшийся к ним попутчики. У неё закончились аргументы.

— Не дуйся! — попросил он, — пожалуйста. Для меня это больная тема. Важно, чтобы ты поддержала меня.

— Куда мне деваться? Конечно, поддержу.

Карина поняла: спорить бесполезно. «Не справилась с заданием», — пронеслось у неё в голове при мысли об Алевтине. Докладывать страшно; о последствиях можно только догадываться. Нужно было тянуть время как можно дольше.

Они миновали стелу, обозначающую, что город закончился, и началась область. Съезжая все дальше от центрального шоссе, очутились на отрезке дороги, где мало встречных автомобилей, а населенные пункты и вовсе растворились среди бескрайних полей. Монотонный пейзаж лесных массивов и кустарников, мелькающих за окном, все же был куда приятнее пыльных городских улиц.

Ты свернул не туда? — встревожилась Карина, видя перед собой узкую колею, уходящую вглубь леса.

Привал! — загадочно ответил он.

Среди высоких деревьев выбрались наружу. День обещал быть не только солнечным, но и просто чудесно волшебным при отсутствии ветра и дождя. В этот час стояла необычайная, просто звенящая тишина. Просто потрясающе: не слышны трели соловья, прекратили громкий стрёкот надоедливых кузнечиков. Мир вокруг завис в хрупком равновесии природной идиллии.

— Здесь так спокойно, — заметила Карина, прислушиваясь к шороху листьев.

Кирилл игриво улыбнулся, всем видом показывая, то задумал шалость. Карине знаком этот взгляд. На первом свидании он смотрел точно так же: казалось, откусит от нее кусочек, или вовсе — проглотит целиком.

— Иди ко мне, малышка, — шепнул он ей на ухо. Кажется, хотел сказать что-то ещё, но передумал и просто сжал в объятиях.

В него словно бес вселился. Он наклонил Карину на капот машины, прижимаясь всем телом и губами отыскивая чувствительную мочку её уха. Горячее дыхание обожгло шею. Путаясь пальцами в её длинных волосах, он притянул её голову к себе и с силой впился в губы. Сладко-манящий запах её кожи с нотками цветов и ягод пьянил сильнее вина.

— Не могу больше сдерживаться, ты такая сладкая!

— Стой! Вдруг нас кто-нибудь заметит? — чуть отстранилась Карина, озираясь по сторонам и поправляя одежду.

— Ну и что! — тяжело дыша ответил Кирилл забираясь рукой под подол её платья — Пусть глядят и завидуют!

Всю дорогу он изнемогал от желания при виде её голых коленок и открытых плечей. Карина всё время провоцировала его: влекущая, сексуальная игрушка для взрослого мальчика. И Кириллу было чертовски занятно наблюдать за её поведением. Хотелось схватить её в охапку и задушить в объятиях. Иногда он сам пугался того напора страсти, с которым набрасывался на неё.

— Ты сводишь меня с ума колдунья!

Поцелуй был долгим, глубоким, властным. Карина засунула руки под его футболку растянула ремень через брюки ощущая его возбуждение которое отзывалось жаром внизу её живота.

Кирилл тихо назвал её имя, нежно, но с особым вкусом и страстью. Запустил пальцы в её волосы, слегка грубовато оттянул голову назад и впился губами в шею, оставляя влажный след.

Каринка закрыла глаза, наслаждаясь ласками. Её нежные пальчики вспорхнули по торсу Кирилла словно крылья бабочки легко но слишком чувствительно для его разгорячённой кожи.

Глава 6

Поворот за поворотом автомобиль Кирилла плавно скользил по узкой, почти забытой просёлочной дороге. Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая небо в тёплые, медовые оттенки, а его последние лучи, словно прощаясь, ласково касались верхушек сосен и берёз. Ветер, врываясь в открытое окно, приносил с собой густой, пряный коктейль ароматов: терпкий запах хвои, свежесть влажной земли, сладость луговых трав и едва уловимую горечь полыни. Кирилл с наслаждением вдыхал этот воздух, чувствуя, как с каждым километром отступает городская суэта, пыль и выхлопные газы. Здесь, вдали от мегаполиса, время словно замедляло свой бег, позволяя насладиться настоящим моментом.

Всё это стало возможным благодаря его чудаковатому брату — мечтателю и романтику, который грезил о жизни в деревне и наконец-то приобрёл свой «затерянный островок» среди вековых сосен. Кирилл улыбнулся, вспоминая, как брат с восторгом описывал это место, обещая уединение и покой. И теперь он сам ехал сюда, чтобы разделить это волшебство с Кариной.

Мысли Кирилла невольно унеслись в далёкое детство. Он вспомнил маленькое село у кристально чистого озера, поросшего по берегам колючими кустами шиповника и густым камышом. Вспомнил старый, полуразрушенный мостик, на котором они с деревенскими мальчишками часами сидели, болтая босыми ногами над водой и наблюдая за сонным покачиванием поплавок. Вспомнил, как потом бродил в огромных резиновых сапогах дяди по лесной чаще, выискивая под мхом и опавшей листвой крепкие шляпки грибов. В груди разлилось приятное тепло — то самое чувство беззаботного счастья, которое бывает только в детстве.

— Карин, обещаю: тебе здесь точно понравится, — начал он, желая поделиться этими воспоминаниями.

Но осёкся. Карина уже спала, убаюканная плавным ходом машины и тихой музыкой из динамиков. Её голова покоилась на подголовнике, а на губах играла едва заметная улыбка.

— Мы на месте, — тихонечко прошептал Кирилл, целуя её.

Он нежно коснулся губами её виска. Карина тут же встрепенулась, потянулась всем телом, как грациозная кошка, и распахнула глаза. Взгляд её сразу же упёрся в плотную стену деревьев, чьи кроны смыкались высоко над головой, создавая ощущение сказочного шатра.

— Красота! — восхитилась она. Других слов и не требовалось.

Кирилл был прав: воздух здесь был настолько чистым и звенящим, что от его свежести слегка кружилась голова. Тишина стояла такая пронзительная, что было слышно, как где-то вдалеке стучит дятел.

— А это, как я понимаю, наш терем из сказки! — воскликнул он, указывая на двухэтажный дом из золотистых брёвен.

Дом выглядел внушительно: высокое крыльцо с резными перилами, просторная открытая терраса и огромные окна, отражающие закатное небо.

— У твоего брата отличный вкус, — с искренним восхищением заметила Карина.

— Если честно, я представлял себе что-то поскромнее... — пожал плечами Кирилл. — Братец утверждал, что купил скромный домик, а тут — настоящий дворец! Обманщик!

Внутри их встретило настоящее царство уюта. Интерьер был выполнен в нежных пастельных тонах: кремовые стены, белоснежная льняная скатерть на массивном столе, шторы в мелкий цветочек и множество милых деталей в настоящем русском стиле — от вышитых подушек до глиняной посуды на полках.

— Надеюсь, здесь есть спальня с крепкой кроватью, — игриво протянул Кирилл, обнимая Карину за талию.

Она звонко шлёпнула его по мягкому месту:

— Опять? Не устал?

— Уже соскучился. Ничего не могу с собой поделывать, когда ты рядом.

— А как же природа? Прогулки у реки? Ты же обещал!

— Сдаюсь! — театрально вздохнул он. — Идём осматривать барские владения!

Но не успели они сделать и шагу к двери, как Карина ловко вывернулась из его объятий:

— Чур, ты — вода! Догоняй!

Её глаза озорно блестели.

— Хочешь поиграть? Тогда держись! — с азартом отозвался Кирилл.

И началась весёлая погоня. Карина дразнила его звонким смехом и убегала всё дальше по тропинке между сосен. Кирилл бросался вдогонку, ловил её в свои объятия и осыпал поцелуями. Они носились как дети, позабыв обо всём на свете: о работе, о проблемах, о времени. Наконец он остановился, чтобы перевести дух и просто полюбоваться ею: щёки покраснелись от бега и свежего воздуха, глаза сияли ярче звёзд, а волосы растрепались самым соблазнительным образом.

Бег привёл их к берегу живописного озера. Огромное зеркало воды было спокойным и прозрачным до самого дна. В нём отражалось темнеющее небо с первыми искорками звёзд.

Карина озорно пискнула и одним движением сбросила платье прямо на траву.

— Ты что задумала? — насторожился Кирилл.

Она уже избавилась от белья и стояла на кромке берега совершенно нагая в лучах заката.

— Хочу купаться!

— Куда? Замёрзнешь! Стой! — он сделал шаг вперёд.

— Не-а! Любовь греет! А тебя разве нет? — она дерзко подмигнула, и смело шагнула в воду.

Кирилл чертыхнулся про себя: вода наверняка ледяная! Но разве можно устоять перед такой женщиной? Он быстро сбросил одежду и бросился за ней следом. Холодная вода сперва обожгла кожу, но после лишь приятно освежала.. Они барахтались у берега, брызгаясь друг в друга водой и хохоча как сумасшедшие. Карина подобралась поближе и обвила руками его шею.

Чувствуя её частое дыхание так близко к своим губам, Кирилл прижал её к себе ещё крепче.

— Сама напросилась! — прорычал он и впился в её губы жадным поцелуем.

Карина была полна сюрпризов — эта женщина всегда провоцировала его на самые безрассудные поступки. Раньше Кирилл сто раз бы подумал прежде чем лезть в ледяную воду незнакомого озера. Но сейчас была не та ситуация.

Её горячий язычок уже вовсю хозяйничал у него во рту, затем спустился ниже — к шее и плечу. Она крепко обхватила его бёдра ногами. Кирилл хрипло вздохнул и подчинился этому дикому инстинкту любви прямо здесь, в прохладной воде озера под звёздным небом.

Когда всё закончилось, Каринка выскользнула из его объятий и вновь окатила его фонтаном брызг:

— Догоняй! Ты опять водишь!

И бросилась к берегу.

— А как же купание? Мы же только вошли в воду.

— Так холодно же! — крикнула она на бегу.

Кирилл усмехнулся: вот ведь лиса! Чувствуя себя обманутым и невероятно счастливым одновременно, он поплыл к берегу.

В доме было прохладно после купания. Карина стучала зубами и куталась в огромный шерстяной плед:

— Пожалуйста-а-а... растопи камин!

Кирилл быстро сложил дрова в топку большого камина из дикого камня и поджёл скрученную бересту. Пламя мгновенно занялось, весело потрескивая сухими поленьями и отбрасывая причудливые тени на стены. В воздухе повис тонкий аромат дыма и смолы.

Пока он возился с огнём, Карина обнаружила в холодильнике сюрприз от хозяина дома — бутылку шампанского.

— Кирилл, ты не возражаешь?

— Обеими руками за. Надо же! Братец всё предусмотрел! — восхитился Кирилл.

Они устроились прямо на полу перед камином на огромной ворсистой шкуре неизвестного зверя. мех был невероятно мягким и пушистым; он ласкал кожу спины и вызывал приятную щекотку. Ночь полностью вступила в свои права за окном, но здесь было тепло от огня и близости друг друга.

Перебирая изящные пальчики Карины, Кирилл ощущал абсолютное счастье — то самое чувство гармонии с миром и собой, о котором он мечтал долгими одинокими вечерами в своей городской квартире. В его понимании свершилось даже больше того, на что он смел надеяться. Вот и не верь после этого во всякие гороскопы или влияние планет. Это было настоящее волшебство. Он не находил других объяснений тому факту, что его девочка оказалась именно у входа в «Серебро» именно в тот час. Как программист до мозга костей, он руководствовался логикой и теорией вероятностей, но эта встреча не поддавалась никаким расчётам.

В душе у Карины тем временем бушевала настоящая буря. Обзывая себя последними словами за слабость и глупость, она проклинала тот день, когда подписала договор с агентством. Она не знала тогда, что ей придётся выбирать между долгом и чувствами... Для себя она уже всё решила: если потребуется — она пойдёт за Кириллом хоть в пекло. Но мучительная внутренняя борьба изводила её до головной боли. Она хотела признаться ему во всём прямо сейчас — рассказать правду о задании, о тайной организации и о своём настоящем прошлом. Но страх быть отвергнутой останавливал её.

Кирилл словно почувствовал её состояние:

— Устала, милая? О чём грустишь?

Карина подняла на него взгляд своих чёрных глаз:

— Нисколько не устала и вовсе не грущу. Тебе показалось.

Она нежно склонила голову ему на плечо. В её зрачках отражались тысячи крошечных огоньков тлеющих углей в камине. Казалось бы ничто не способно нарушить волшебство этой ночи.

Повернувшись к нему лицом так близко-близко, что их дыхания смешались в одно, она прошептала:

— Обещай верить мне. Что бы ни случилось.

Кирилл нахмурился:

— А что может случиться?

В его взгляде читалось искреннее недоумение.

— Поверь. Я знаю, о чём прошу.

— Не пугай меня. Мне ты нужна живая и здоровая! И я спасу тебя от всего на свете, — пообещал он так твёрдо и уверенно, что у неё защемило сердце от нежности.

Порой Кирилл ловил себя на мысли о том, насколько загадочной была эта женщина рядом с ним. Он знал о ней так мало фактов из биографии или прошлого. Но той близости хватало, чтобы сносило крышу напрочь, а все прочие вопросы казались неважными, а разговоры всегда заканчивались одинаково.

Он раскрыл объятия:

— А ну-ка иди сюда!

Карина оживилась:

— Зачем это?

— Буду внушать тебе доверие! — с улыбкой ответил он.

Она лукаво улыбнулась:

— Придётся постараться. Я такая непонятливая.

Кирилл повалил её обратно на мягкую шкуру, подминая под себя своим сильным телом, требовательно сжимая её кожу, скользя горячей рукой по изгибам живота, груди, возвращаясь к самым чувствительным местам. От прикосновений, Карина выгибалась дугой, словно кошка. Каждое касание волновало её, разливаясь по телу лихорадочным потоком наслаждения. Его губы были так близко. Они целовались жадно, словно после долгой разлуки. Но это было не просто физическое желание — это была потребность быть единым целым, раствориться друг в друге без остатка.

— Мой, — прошептала она, сдерживая стон. Она нуждалась в этом мужчине, как в воздухе, желала его каждой клеточкой тела, каждой частичкой души.

— Твой, — откликнулся он хрипло. — Навсегда.

Немного отстранившись, чтобы заглянуть ей в глаза, он увидел, что сегодня его малышка была особенно горячей, но при этом какой-то сентиментальной, ранимой. Её взгляд из-под густых чёрных ресниц затуманился, дыхание сбилось. Ещё один долгий поцелуй погрузил их обоих в сладостную эйфорию, где не существовало ничего, кроме двух сердец, бьющихся в унисон. При малейшем прикосновении его пальцев Карина закрывала глаза, теряя связь с реальностью. Волосы её разметались по полу небрежно, но невероятно соблазнительно. Время от времени она облизывала пересохшие губы — вишнёвый цвет которых свидетельствовал о предыдущих поцелуях. Следуя велению его рук, она требовала ещё больше ласки. Ощувив его внутри себя, она уже не могла сдерживать стоны. Приняла его толчки: сначала медленные, затем всё более сильные, даже чуточку грубые. Их вздохи смешивались с рычанием. Темп нарастал, бешеный ритм вёл их к пику наслаждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.